

Олени - странные существа. Одновременно чрезвычайно умные и невероятно пугливые. Они очень умны, кажется, что они инстинктивно знают, какие растения помогут им поправиться, когда они заболеют. Олени прекрасно умеют заботиться о себе. Им не нужно много внимания или управления. На самом деле, это такие животные, которых можно убить добром. Слишком много человеческого внимания вызывает у них шок. Я думаю, что многое в отношении к Нара проистекает из этого: признание и принятие того факта, что иногда, если вы просто оставите его в покое, он сам придет в норму. Лениво, конечно, но и прагматично. Это заставило меня задуматься о том, что наш клан начал свою медицинскую теорию не с оленей, а с наблюдений за ними. Хотя некоторые части наших исследований напрямую связаны с оленями. Поскольку самцы оленей, олени и харты, сбрасывают и отращивают рога каждый год, было проведено серьезное исследование того, как они это делают, в надежде адаптировать принципы, позволяющие людям отращивать конечности и ткани. Однако многое здесь основывалось на травах, растениях и химических веществах, содержащихся в них, как и в моем старом мире. Здесь было меньше синтеза химикатов, и я не знаю, была ли сама химия настолько развита, но результаты все равно впечатляли.

Я много времени проводил в рабочих комнатах. В них странно пахло лекарствами, которые готовились, травами, которые развешивались для просушки, олениной и дымом, но это не было неприятной странностью. Работники, в основном мои тети, дяди и двоюродные братья, хотя было и несколько наемников, не связанных с нами, были более чем счастливы удовлетворить мое любопытство по поводу того, что они делают. Меня не раз заставляли работать со ступкой и пьедесталом, чтобы растереть травы до состояния пасты.

В клане были довольны моим интересом к медицине, ведь у меня, как и у них, был диагноз, поставленный в больнице.

Я с трудом продирался сквозь "базовые" учебники по этому предмету. Не то чтобы понятия были мне незнакомы, но смена языка означала, что мне придется учить все заново. Я мог бы получить ту же информацию, читая словарь, но в контексте учиться было легче. Я с благодарностью отметил, что, несмотря на разницу в мирах, принципы казались одинаковыми.

Я смутно знал, что олений бархат считается лекарством, но в моем мире он считался чем-то вроде травяного снадобья, из разряда тех, что употребляют приверженцы здорового образа жизни. Однако, вспомнил я, здесь Нара считались экспертами-медиками. Именно они снабдили Цунаде информацией, которая позволила ей обратить вспять отравление Чоуджи пищевой пилулей. Пришлось отказаться от применения знаний из своего прошлого мира: здесь все было слишком по-другому.

Медицинские науки были просто потрясающими - как только я смирился с тем, что самыми важными и необходимыми медицинскими инструментами были не иглы и скальпели, а бумага и чернила. Практически все, для чего мы использовали машины, они использовали печати. Для стабилизации состояния пациентов, для наблюдения за ними, во время операций - все это печати. Печати и медицина шли рука об руку. В стабильной обстановке госпиталя они находили большее применение, или их было легче распознать, чем в постоянно меняющейся сфере боевых действий.

Раньше мне это не приходило в голову, но Цунаде, вероятно, была равна Джирайе, если не

превосходила его в знаниях о запечатывании, если ее печать Возрождения была хоть каким-то признаком. То, что Орочимару занимался проклятыми печатями, объяснялось и его научными наклонностями.

Печати были машинами элементарей. Печати - это кандзи. Это удивило меня. Я всегда думал, что это специализированный алфавит или сложные символы - эзотерические линии и круги, - но это было не так. Это были кандзи. Да, существовали особые способы их сочетания для достижения наилучшего эффекта, но в таком виде это больше походило на составление договора или рассказ истории. Это было... интересно узнать.

Конечно, это было ограничено. Требовалось время, место, чернила и бумага. Только самые лучшие мастера печатей могли использовать их в бою, потому что только они могли создать или изменить и наложить печать, используя всего лишь поток чакры, печать руки и, возможно, немного крови. Минато Намикадзе не зря прославили как гения.

Я отметил это как направление, которое я определенно хотел бы исследовать. Я очень сомневался, что когда-нибудь овладею им - скорее всего, не более чем основами, - но все же в этом была своя приманка. Да и свитки для хранения пригодились бы.

Эти занятия прекрасно заполняли мое время. Прошел год, и мы перешли на второй год обучения в академии, но мало что изменилось. Уроки стали чуть сложнее, чуть суровее, чуть больше ориентированы на "правду" о миссиях ниндзя. Это был медленный процесс ознакомления с тем, что от нас ожидалось, - настолько медленный, что его почти не замечали. Нас готовили.

На втором курсе мы начали учиться метать кунаи и изучать тайдзюцу.

В академии нас обучали адаптации основного стиля Коноха-рю, которая называлась Шорин-рю, "стиль маленького леса". Это была версия основанного в Конохе стиля тайдзюцу, адаптированная специально для детей и подростков. В нем особое внимание уделялось уклонению от ударов и уходу от них, при этом подразумевалось, что любой противник, с которым мы столкнемся, скорее всего, будет выше, сильнее и быстрее нас. На первый взгляд, это был довольно упрощенный стиль, с ограниченным количеством ударов, блоков и пинков. Конечно, учитывая, что его преподавали детям, такая прямолинейность была скорее преимуществом, чем недостатком. Здесь не было ни броских приемов, ни сложных замков - того, что может легко развалиться в реальном бою. Это были основы основ, то, на что мы могли бы опираться в своих семейных стилях или просто после того, как покинем академию и начнем набираться личного опыта.

До этого я изучал каратэ, и, казалось бы, это должно было дать мне бонус в изучении тайдзюцу. На самом деле это было не так. Во-первых, прошло столько лет, что я забыл почти все технические детали. Во-вторых, это было в отдельном теле. Но в-третьих, что, пожалуй, важнее всего, мне никогда не приходилось применять каратэ в реальной жизни. Ближе всего к этому был единственный турнир, в котором я участвовал, но я был достаточно умен, чтобы понять, что это даже близко не так. Здесь тайдзюцу было не просто хобби, а реальностью. Это было то, чем люди жили и умирали. И то, чему нас учили, отражало это.

С другой стороны, были вещи, которым я научился, и которые мне очень пригодились. Не техника, а более важные вещи. Наш девиз гласил: "Сначала тело, потом разум, потом дух". Это означало, что сначала устают тело. Мышцы болели и дрожали, вы задыхались, потели. Но вы продолжали идти. Затем устал ваш разум. Вы признали свою усталость. Ваша решимость ослабла. Вы хотели сдаться. Но ваш дух не давал вам остановиться. Это было не совсем "никогда не сдаваться", а скорее "упорствовать. Продолжайте идти, несмотря ни на что". Это был трудный урок - заставлять себя так сильно и так далеко. Еще труднее, когда ты тренируешься в одиночку.

Второй - намерение. Самый простой способ выиграть бой - это избежать его". Нет смысла драться, если в этом нет необходимости. Но если есть, если вы должны драться, выкладываетесь на все 100%. Относитесь к каждому действию так, будто оно поможет выиграть бой. Вы должны нанести первый удар и нанести последний удар, и убедиться, что оба удара одинаковы. В академии об этом говорили, они называли это "иккен хисацу". 'Убить одним ударом'. Здесь они действительно имели это в виду.

Когда мы спарринговались, остальные относились к этому как к игре. У меня был соблазн. Бросаться легкими ударами и ногами, танцевать вокруг слабых атак - это весело и легко. И у меня не было никакого желания причинять вред кому-то из своих одноклассников. С другой стороны, это было легко. Колено в живот, локоть в висок, удар ладонью в челюсть - быстрые и жестокие приемы, которые мгновенно валили остальных на землю.

Через несколько дней остальные стали называть меня "нокаут Шикако". Меня это почти смешило. Долго это не продлилось бы - они стали лучше блокировать и уклоняться, преодолевать инстинктивное дрожание перед насилием, защищать свои жизненно важные места, но я тоже совершенствовалась.

Мы не проводили много свободных спаррингов, во всяком случае, поначалу. В основном это были упражнения на выносливость, как мы уже делали: бег, отжимания, подтягивания, работа с тренировочным мешком. Были упражнения на гибкость, растяжки и слаломные палки. Были полосы препятствий и игры вроде доджбола. И были жестко повторяющиеся базовые упражнения: сто раз этот удар, сто раз этот удар. Для них было трудно поддерживать стопроцентное усилие, которое я был намерен приложить в своем тайдзюцу. Сложнее всего было мотивировать себя на это. Возможно, я никогда не стану мастером тайдзюцу, но я не хотел быть калекой из-за слабых боевых навыков или выносливости.